УДК 141

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.123137

Оболкина Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, научный сотрудник,
старший преподаватель кафедры философии
Центра подготовки кадров высшей квалификации

Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург,

E-mail: obol2007@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6644-104X

Мобильность, которую мы заслужили. Онтологический поворот проблемы

В работе анализируется парадигма мобильности и ее роль в анализе современного общества. При этом концепт мобильности выступает не столько инструментом анализа, сколько предметом исследований. К осмыслению предлагается связь представлений о нелинейности и мобильности. Делается вывод о том, что для современной действительности отношения между этими категориями представляют собой обратно пропорциональную зависимость. Мобильность одних элементов системы оплачивается увеличением статичности других. Это заставляет задуматься о том, насколько, действительно, возможно говорить о мобильности современного мира. Мир, который мы постулируем как мобильный, демонстрирует тенденцию к увеличению жесткости структур управления и контроля. Автор опирается на современные исследования о глобальном городе, сетевом обществе, soft power, дигитальной реальности и делает вывод о том, что мобильность требует, в первую очередь, особого человека, а не особого общества. Один из вариантов решения этой проблемы раскрывается через концепцию П. Вирно, который предлагает поиск концептуальной возможности осмыслить общество как «множества». Осуществляя свой анализ на стыке философского исследования и рефлексии политической борьбы леворадикальных движений Италии, мыслитель предлагает осуществлять познание социума не «сверху» – от общества и его структур, а «снизу». Этот, во многом онтологический и антропологический, а не социально-политический, подход претендует

на поиск оснований новой субъектности. Концепции социума, первичной интенцией которого выступает потребность трансформировать тревогу в страх и найти от него защиту, Вирно противопоставляет концепцию «бездомного» множества – *bios xenikos*. Этот интеллектуальный мотив сближает работу Вирно с онтологическими исследованиями К. Мейясу. Содержательно-смысловое пересечение различных концепций и даже довольно далеких друг от друга направлений философии маркирует «болевые точки» общества, а также обнадеживает в качестве новых перспектив исследования феномена мобильности.

Ключевые слова:

мобильность, нелинейность, философия множества, новая субъектность, *bios xenikos*.

Мобильный поворот (*mobility turn*) претендует на статус самой актуальной парадигмы исследований общества. Традиционный анализ касался, в большей степени, «вертикальной мобильности», подразумевая изменение общественных статусов; современность все больше переключает внимание исследователей на «горизонтальную мобильность», рассуждая о степенях свободы в отношении пространственных перемещений (людей, информации, ресурсов и т. д.). Но и представление о горизонтальной мобильности активно уточняется в ходе его «примерок» к происходящему в мире. У Г. Зиммеля, который анализирует формы «движения и непоседливости», мобильность характеризуется как некая «машиноподобность» – для этого он вводит понятие «маршрутов», которые характеризуются образами «речного потока». Сегодня ставится вопрос о том, что «мобильность» должна означать не столько увеличение скорости «машиноподобного» движения по заданным маршрутам, сколько способность менять их по своему усмотрению; мир принадлежит «новым номадам». Мобильность означает переворачивание прежних социальных отношений «оседлости / кочевничества».

Многовековая традиция, формирующаяся в пределах оседлых народов и, соответственно, государств, видела мир кочевников миром дикости: *hic sunt dracones*, причем главным «драконом» выступала собственно мобильность как таковая. Дж. Скотт рассуждает о перманентном формировании пространства и смысла «варварства»: «Не только проживание

на больших высотах маркировалось рисовыми государствами как «варварство», но также физическая мобильность и рассеяние. Здесь опять прослеживаются явные параллели с историей средиземноморского мира. Христианские и мусульманские империи считали жителей гор и кочевые народы – именно те группы, которым удавалось ускользать из лап государства, – язычниками и варварами. Сам Мохаммед ясно сказал, что кочевники, принимающие ислам, в качестве обязательного условия их признания мусульманами должны перейти к оседлому образу жизни или по крайней мере сделать это. Ислам был религией оседлой элиты, поэтому считалось, что кочевник не может быть достойным мусульманином. Бедуины провозглашались «дикарями» и противопоставлялись мекканам как идеальным горожанам. В рамках цивилизационного дискурса арабского мира кочевой статус играл ту же социально-дифференцирующую роль, что и высота над уровнем моря в рисовых государствах» [Скотт, 2017, с. 154–155]. Однако сегодня, как утверждает З. Бауман, «мы являемся свидетелями реванша кочевого образа жизни над принципом территориальности и оседлости. В текучей стадии современности оседлым большинством управляет кочевая и экстерриториальная элита» [Бауман, 2008, с. 20].

Нельзя сказать, что подозрительность цивилизации в отношении мобильности при этом полностью исчерпана; среди современных значений «мобильности» Дж. Урри отмечает и коннотации «дикарства» (опираясь на Н. Трифту): «В английском языке с «мобильностью» связана «толпа» (*mob*), неорганизованный сброд. «Моб» потому и считается беспорядочным, что он мобилен, не полностью заключен в какие-либо границы, а потому требуется его отслеживать и регулировать социальным образом. Современный мир, судя по всему, порождает множество новых опасных видов «моба» или масс, включая так называемые «умные толпы» (*smart mobs*), которые не так легко регулируются и для управления которыми нужны новые экстенсивные физические и/или электронные системы подсчета и фиксирования в конкретных границах или привязки к известным местам» [Урри, 2012, с. 201]. Даже «умная» толпа в пределах мегаполиса оказывается вне пространства цивилизации в силу трудностей управления и контроля.

Многие точки преткновения в анализе мобильности связаны с нерешенными онтологическими вопросами, которые именно поэтому становятся аксиологическими. Исследователи ставят важные вопросы: «Так ли однозначно мобильность

свидетельствует о прогрессивности, более высоком уровне развития человека мобильного – *Homo mobilis* и общества, его порождающего? Нет ли здесь простой фетишизации различных физических и социальных перемещений, призванной скрыть, замаскировать истинное состояние (реальное отсутствие развития, прогресса) человека *Homo mobilis* и общества, на самом деле безуспешно быющего в силках неуправляемого технологического и социального тупика?» [Русакова, Русаков, 2016, с. 177]. Нет уверенности, что мобильность как таковая есть панацея от болезней классического типа общества, поскольку сама мобильность постоянно преподносит сюрпризы.

Один из них связан с непроясненными отношениями представлений о мобильности и нелинейности. Мобильность в современном смысле слова предполагает развитие (движение) по некоему прихотливому – не-линейному – пути, поэтому понятия «мобильность» и «нелинейность» легко объединяются.

Нелинейность же означает чувствительность к малым воздействиям, невозможность прогнозирования, поэтому мобильность связывается с опасениями «растерять» потенциал социального регулирования.

Управление – это деятельность организации, реализации и координации, каждый этап которой подвергается контролю, чтобы снова реализовать тот же цикл [Nagashima, 1990], чего нелинейные «маршруты» мобильности не позволяют сделать. Это вызывает ее «критику справа», поскольку для парадигмы классического управления невозможность прогнозирования означает для многих отмену стратегии постоянного улучшения. Однако в этом моменте мы сталкиваемся не столько с опасностями мобильности, сколько с издержками теоретического абстрагирования. Практика показала, что бояться стоило противоположных эффектов: увеличивающаяся мобильность не означает «расставания» с логикой жестких структур: «При ближайшем рассмотрении оказывается, что мобильность – в особенности в свете теоретических разработок Урри – вовсе не предполагает полного растворения всего и вся. Скорее наоборот. Возьмем такое простое повседневное социальное взаимодействие, как разговор по мобильному телефону. Оно становится возможным лишь при условии, что все элементы распределенной сети отношений находятся в рабочем состоянии. Мобильные телефоны требуют для работы сотовых вышек, передатчики сигнала требуют электроэнергии, выработка электроэнергии требует топлива. Как только мы начинаем разворачивать эту сеть от-

ношений, мы немедленно обнаруживаем, что за элементарным социальным взаимодействием в информационной эпохе стоят массивные инфраструктуры, а также определенным образом сконфигурированное пространство, масштабы которого намного превышают феноменологические масштабы мест, в которых обитают наши собеседники. Хотя многие из этих инфраструктур и выстраиваются по принципам текучести Баумана, пространство никуда не исчезает. Более того, перемещения людей, объектов и информации отнюдь не являются случайными, большинство из них вполне предсказуемы и упорядочены» [Харламов, 2012].

Пространство современного мира структурировано, причем едва ли менее жестко, чем раньше, поскольку мир захлестнула волна урбанизации; городское население, уносимое потоками перемещений, отнюдь не «рассредоточивается»; концентрация населения мегаполисов, наоборот, лишь увеличивается. Именно поэтому город оказывается основным элементом анализа мобильного мира. Классическими в этом кластере исследований выступают работы С. Сассен об укреплении связей мегаполисов (в первую очередь Нью-Йорка, Токио и Лондона) в качестве довольно жесткого «каркаса» современного пространства [Sassen, 2005]. Это растущая сеть, к которой подключаются Мадрид, Сан-Паулу, Буэнос-Айрес, Мехико, Тайбэй, Москва, Будапешт. Ее функционирование осуществляется посредством вполне материальных коммуникаций, требующих перманентного и жесткого управления. Исследователи-урбанисты подчеркивают: «Все индикаторы указывают на укрепление иерархической структуры командно-контрольных функций и вытекающего из нее обмена информацией <...> по мере того, как будет разворачиваться нынешняя эпоха, важность гибкости как базового механизма, помогающего справляться с трудностями, и важность агломерационного фактора экономии издержек (*agglomeration economies*) как силы, определяющей размещение, сохраняются» [Michelson, Wheeler, 1994, p. 102–103].

Парадокс ужесточения структур, вызванных мобильностью, только кажущийся. Мобильность и нелинейность (если речь идет об одной системе) находятся в обратно пропорциональных отношениях. По своему онтологическому содержанию нелинейность означает чуткость системы к малым воздействиям; в таком мире бесполезны долговременные прогнозы. Противоположная ситуация – гипотетический линейный мир – может пониматься как сверхстабильная система, где линейность озна-

чает не лапласовскую идеализацию причинно-следственных отношений (жесткий детерминизм), а способность нивелировать влияние разного рода помех на прогнозируемый результат. Контекст инфраструктуры современной мобильности чаще всего требует жестких программ регулирования «фоновой» стабильности. И это не специфично сегодняшняя ситуация; это то, что можно назвать онтологическими условиями той мобильности, к которой мы уже привыкли. Описанный М.К. Петровым мир пиратов Эгейского моря – один из первых примеров стратегии успеха, основанной на принципе мобильности как оперативно-го прогнозирования в условиях непредсказуемости. Автор показывает, что эта стратегия уже тогда была возможна лишь в мире стабильного земледелия и, соответственно, государственности как системы защиты и распределения энергетического потенциала [Петров, 1995]. Поэтому мы вынуждены констатировать все увеличивающуюся «накачку энергии» в структуры, снижающие риски: правоохранительные органы, военизированные службы быстрого реагирования, медицинские и аварийные службы и т.д. Речь идет не только об их увеличении, но и о характере профессиональной деятельности: например, официальный или полуофициальный запрет для российских полицейских даже в выходные дни покидать свой город; государственное «закрепощение» – в духе коллективизации, при которой изымался паспорт – сотрудников МЧС. Мобильность одних элементов системы оплачивается усилением статичности других.

Это заставляет по-новому взглянуть на мобильность: с чем мы, собственно, имеем дело? Метафорика дискурса мобильности обычно выстраивается образами жидкого состояния. З. Бауман начинает свою книгу о современности отсылком к физическому пониманию текучести: «Это непрерывное и необратимое изменение положения одной части материала относительно другой под воздействием срезающего напряжения составляет течение, являющееся характерной особенностью жидкостей. Напротив, в твердом теле, удерживаемом в искривленном или согнутом положении, срезающие напряжения сохраняются, твердое тело не испытывает никакого течения и может восстановить свою первоначальную форму» [Бауман, 2008, с. 7]. Однако если использовать междисциплинарные аналогии и развивать образ тела, то мобильный мир, каким мы его знаем, не описывается метафорой жидкости. С учетом исследований урбанистики более подходящим будет образ *фасции* (от лат.

fascia: повязка, оболочка, бинт) – то есть такой текстуры, которая в зависимости от самого организма может быть как менее, так и более жесткой. Фасция – все многообразие соединительной ткани организма – делает организм целым и одновременно разделяет органы между собой, давая необходимую автономию. Фасция крайне чутко реагирует на потребности функционирования тела. Соединительная ткань увеличивается там, где нужно поддержать какую-то статичную позу (например, за компьютером) – и вот уже наша спина становится жестким корсетом. И наоборот: активное движение вызывает изменения в сторону «облегчения» текстуры фасции. Если применить эту метафору к глобальному пространству – телу мира – то можно выстраивать и «диагноз»: мир вряд ли мобилен. Если ему чего и хватает, то не движения, а, скорее, нагрузки; мир много работает, причем в статике. Его «фасция» только увеличивается, придавая «телу мира» повышенную жесткость. Миру нужно «встать и размяться», чтобы приобрести действительно легкость и подвижность, которую мы интуитивно связываем с концептом мобильности.

Важен и другой смысл понятия «фасция» – он придает нашей метафорической картине объем: ликторские фасции – часто используемые в изобразительном искусстве фигуры связанных шнуром или ремнями пучки прутьев – выступают символом государственной власти. Образ берет свое начало в Древнем Риме, где он выступал символом власти административных служащих (ликторов). Затем фасции стали символизировать государственное и национальное единство как таковое. В определенном смысле логическое завершение образ фасций получил, когда от этого слова произошло название итальянского фашизма (*fascismus*).

В современном мире «фасций» – «соединительной ткани» – не меньше, а, возможно, даже больше, чем в прежнем «не мобильном» мире. В частности, такая, казалось бы, «легкая», почти эфирная реальность, которая известна нам как цифровая – сегодня это та соединительная ткань, которая держит «тело мира», позволяя распределять и передавать силы. Но всмотримся в тенденции: например, в развитие системы социального рейтинга и экспериментов с максимальным цифровым контролем в обмен на государственные преференции, которые сегодня происходят в Китае. Слой дигитальной *fascia* вполне может оказаться жесткой вплоть до состояния *fascismus*. В теории сетевого общества М. Кастельса выделяется несколько простран-

ственных слоев: слой коммуникации, существующей в качестве виртуального «дополнения» к физическому пространству; еще один слой пространства связан с потоками управления и менеджерскими элитами [Кастельс, 2000]. И хотя указывается, что пространство потоков есть пространство мобильности, мы должны понимать, что дигитальная реальность может стать жесткой «фасцией» и для этого «элитного пространства». Никто не свободен от попечения, если для осуществления мобильности обществу требуется фоновая стабильность. Бауман говорит, что сегодняшний «капитал путешествует налегке – с багажом, состоящим лишь из портфеля, сотового телефона и портативного компьютера. Он может остановиться почти в любом месте и нигде не должен оставаться дольше, чем захочет» [Бауман, 2008, с. 66]. Однако этот «легкий капитал» ничуть не менее «тяжелого» заинтересован в повышенной жесткости контроля: в хорошем обслуживании и способности удерживать управление из любой точки ойкумены. А значит, не стоит сбрасывать со счетов старые способы наладить «заботу и попечение». В частности, *hard power*.

Современные политические исследования возлагают серьезные надежды на смещение центра в формах политической активности с «тяжелого» варианта в сторону «легкого»: «Ресурсы «мягкой силы» связаны со способностью привлекать союзников. Это привлечение часто ведет к молчаливому согласию, в то время как ресурсы «жесткой силы» обычно ассоциируются с принуждающим поведением (санкциями, подкупом, применением силы)» [Ковалева, 2013, с. 121]. Но в том модусе мобильности, с которым мы имеем дело, логика притяжения – *soft power* – оказывается лишь факультативной, реализуемой в уже структурированных пространствах. Она обеспечивает не критичные для целого смещения приоритетов в пользу тех или иных узловых точек коммуникаций (Нью-Йорк или Лондон «в этом сезоне»). Но там, где требуется проложить новые маршруты (страны третьего мира, к примеру), Единое не позволит реализоваться стихии предпочтений. И вряд ли это просто злая воля Единого. Современный человек хочет избавиться от жесткости контролирующих структур Единого (что бы под ним не понималось), но не готов проститься с мягкостью комфорта, который осуществляется этими структурами. Это «шизофреническое» состояние подчеркивают многие исследования. Именно поэтому происходит поиск методологически иного пути:

предлагается анализировать общество не «сверху» – от общества и его структур, а «снизу». Мобильность требует, в первую очередь, особого человека, а не особого общества. То есть человека, для которого готовность к повышенной динамике изменений и перемещений не сопровождалась бы потребностью в «крепком тыле»; обладающего способностью «быть бездомным», но в ином смысле, нежели бродяги и туристы.

П. Вирно в работе «Грамматика множества» предлагает поиск концептуальной возможности общества как «множества» – на стыке философского размышления и рефлексии политической борьбы (леворадикальных итальянских движений). Анализируя кризис государства в посфодистской действительности, он настаивает: «Нельзя больше говорить о сводимом к государственному единству народе. Чтобы избежать фальшивых песенок постмодернизма («многообразие – это благо, а единство – напасть, от которой нужно беречься»), необходимо, однако, признать, что множества не противопоставляются Единому (*I' Uno*), но заново его определяют» [Вирно, 2015, с. 14]. Это «переопределение» реализуется «снизу» – в качестве производства «новой субъективности». Вирно использует экзистенциальное различие страха и тревоги, раскрывая их социально-политические реалии: бытийная тревога «осваивается» обществом в форме страхов (страх потерять работу, страх не преуспеть и т.п.), а государство оказывается областью защиты от них. Таким образом, отказываясь от покровительства Единого в форме национального государства, человек восстанавливает в экзистенциальных правах тревогу. Мир – источник постоянной неопределенности. Опасность «повсеместна, непредсказуема, постоянна и, суммируя, тревожна». «Понятие народа, пусть и со многими историческими вариациями, связано двойным узлом с четким разделением между привычным «внутри» и неведомым и враждебным «извне». Понятие же множества основывается как раз на исчезновении подобного разделения» [Вирно, 2015, с. 19]. Оспаривая установку Франкфуртской школы в отношении индивидуума, который несчастен в отстраненности от мощи общества, Вирно предлагает стратегию радикальной индивидуации, которая связана с привычкой не иметь неизменных привычек, натренированностью жить в условиях необеспеченной занятости (*precarieta*) и постоянных перемен [Вирно, 2015, с. 85–86]. Философ подчеркивает: опасность определяется изначальным поиском защиты – что, соб-

ственно, и есть основной функционал государства. Гоббсовской концепции социума, первичной интенцией которого выступает потребность защититься, Вирно противопоставляет «бездомное» множество – *bios xenikos*.

Новая субъективность (именно так дается в тексте русского перевода, хотя было бы, думается, уместнее использовать понятие субъектности) связана со способностью «не ощущать себя в собственном доме». Эта идея встречается с поставленной в современной онтологии задачей непротиворечиво допустить вечно обновляющуюся реальность. «Бытие и мышление должны мыслиться как способные быть совсем другими», – утверждает К. Мейясу [Мейясу, 2015, с. 60]. Гипер-хаос – это имя, которое он дает необходимой и неизбежной контингентности реальности. Мейясу ищет возможности для реальности всегда быть иной – это онтологическая забота. Вирно ищет возможности человека принять не-необходимость любой реальности – это антропологическая забота. Но на самом деле это одна забота: «Множество – это фундаментальная биологическая конфигурация, которая становится исторически детерминированным способом жизни, феноменально проявляющейся онтологией» [Вирно, 2015, с. 100]. Политическое, антропологическое и онтологическое измерения сходятся в пространстве общего разговора.

Анализируя современную действительность как мир, в котором давно реализовано превосходство указа над законом, Вирно отмечает гипертрофированный рост администрирования. Нетрудно увидеть в этом все ту же «соединительную ткань» – метафору фоновой жесткости мобильного мира. Он ищет возможности сопротивления, но без «переиздания чего-то, что уже было». Это поиск сферы общих, но уже не государственных дел – так реализуется потребность освободиться от либеральной традиции, в которой на сегодня «закапсулировано гражданское неповиновение» [Вирно, 2015, с. 67]. Вирно предлагает «исход» помимо известного «нам нечего терять кроме своих цепей». Мобильность *bios xenikos* означает способность не искать той обеспеченности трудом, которую предоставляет как пространство мест, так и пространство потоков. Это исход, опирающийся «на богатство, на изобилие возможностей, короче говоря, на принцип *tertium datur*» [Вирно, 2015, с. 69–70].

Подлинная мобильность связана вообще не с потоками – потому что уносимый потоком вряд ли действительно моби-

лен. «Элита глобализации» представляется в облике «легкого капитализма» (Бауман). Элита позволяет приобщиться к этим потокам «обычным гражданам» – они же наемные трудящиеся, они же туристы. Но «то, что маршруты первых диктуются не свободным произволением, но бизнес-необходимостью, а желания вторых производятся и канализируются индустрией туризма, в общем, не стоило бы и обсуждать ввиду очевидности. Подъем по социальной лестнице все чаще и все больше означает не повышение шансов на мобильность, но принуждение к мобильности» [Русакова, Русаков, 2016, с. 177]. Всякий исход (в том числе из потоков в пространство действительной мобильности) требует ресурсов. Выбирать в качестве таковых привычный арсенал капитала означает вновь реализовывать совсем не новые формы неповиновения и совсем не новые формы обретенных возможностей. Вирно предлагает опираться на особого рода богатство – избытки знания, коммуникации и не сервильной виртуозности («способности артиста-исполнителя»).

Виртуозность понимается Вирно (вслед за Х. Арендт) близкой политической деятельностью: «Она разделяет с виртуозностью отсутствие «законченного продукта», случайный характер, прямые и неизбежные отношения с присутствием других людей» [Вирно, 2015, с. 43]. Но, с другой стороны, анализ К. Марксом труда артиста, врача, мажордома, оратора, священника приводит к выводу о его сервильном характере: наемный труд, который в то же время не является производительным. Вирно находит «лазейку», уводящую в сторону от логики капитала – во всяком случае, в культурной индустрии. «...«Матрица» постфордизма должна обнаруживаться в промышленных секторах, в которых присутствует «производство коммуникации посредством коммуникации» [Вирно, 2015, с. 48]. Здесь роли и обязанности «виртуозны» и одновременно «политичны». Это профессии, которые не являются инструментами производства или «приводными ремнями». Они – «смазочный материал». Это «живой труд» в условиях, когда материальное производство объектов передано системе автоматизированных машин [Вирно, 2015, с. 50–51]. Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве образца Вирно берет сферу деятельности, относиться к которой с нотками пренебрежения является хорошим тоном для всякого приличного интеллектуала. Но Вирно настаивает: даже в условиях, казалось бы, полной включенно-

сти индустрии культуры в фордистскую экономику (благодаря серийности, эконометрии эмоций и чувств), это единственная область производства, которая по определению не уместается в старую схему без остатка: всегда сохраняется способность к нерегламентируемому, неформальному, незапланированному, экстравагантному и прорывному. Импровизация делает эту деятельность близкой к искомой философией новой субъектности.

В заключение еще раз подчеркну, что поиск новой субъектности, один из вариантов которой предлагает философия Паоло Вирно, выступает социологической стратегией «снизу», без заведомого знания о «структурах» и «схемах устройства» общества. «Эпистемологической мобильностью», возможно, следует считать именно такие социологические стратегии, поскольку подлинная мобильность как раз предполагает «ускользание» от любых направляющих (включая вечно функционирующие схемы, призванные их перенаправить или просто сломать). Всякие направляющие, по которым перемещаются потоки ресурсов – материальные, коммуникативные, интеллектуальные – уже включены в матрицу воспроизводства принципиально жесткого (во имя контроля и безопасности) мира. Мы неизбежно движемся по ним, ускоряемые логикой капитала – в частности, производя все больше статей; в частности, на тему мобильности. Не скорость и объем делает нашу мысль мобильной, но потенциал виртуоза, в том смысле, которым хочет заинтересовать нас Вирно. Рефлексия по определению обладает таким потенциалом. Философский анализ проблемы мобильности заставляет увидеть отсутствие мобильности в том виде, в котором она была нам обещана. И дает шанс на ее присутствие по мере проявления нашей способности узнавать ее подлинный облик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауман З. 2008. Текучая современность. М.: Питер. 240 с.
Вирно П. 2015. Грамматика множества: анализ форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс. 144 с.
Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высш. шк. экономики. 608 с.
Ковалева Д. М. 2013. Концепт Soft Power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Науч. ежегодник Ин-та

философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 13, вып. 1. С. 118–132.

Мейясу К. 2015. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый. 196 с.

Петров М.К. 1995. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН. 140 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2016. Дилеммы: «мобильность – стабильность» versus «развитие – застой» // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 24–25. С. 175–180.

Скотт Дж. 2017. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое изд-во. 568 с.

Урри Дж. 2012. Мобильности // Мониторинг обществ. мнения. № 5 (111). С. 197–252.

Харламов Н.А. 2012. Пространство мобильного мира // Отечеств. записки. № 5 (50). С. 95–108.

Michelson R. L., Wheeler J. O. 1994. The flow of information in a global economy: the role of the American urban system in 1990 // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 84, № 1. P. 87–107.

Nagashima S. 1990. 100 management charts. Tokyo: Asian Productivity Organization. 327 p.

Sassen S. 2005. The Global City: Introducing a Concept // Brown Journal of World Affairs. Vol. 11, iss. 2. P. 27–43.

References

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity], Moscow, Piter, 2008, 240 p. (in Russ.).

Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 2000, 608 p. (in Russ.).

Kharlamov N. A. Prostranstvo mobil'nogo mira [Mobile world space], Otechestvennye zapiski, 2012, no. 5 (50), pp. 95–108. (in Russ.).

Kovaleva D. M. Kontsept Soft Power kak predmet izucheniya sovremennoy politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskikh strategiy [Concept of Soft Power as subject of study of modern political science and theoretical basis for foreign policy strategy], Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava

Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 118–132. (in Russ.).

Meillassoux Q. Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency], Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyy uchenyy, 2015, 196 p. (in Russ.).

Michelson R.L., Wheeler J.O. The flow of information in a global economy: the role of the American urban system in 1990, Annals of the Association of American Geographers, 1994, vol. 84, no. 1, pp. 87–107.

Nagashima S. 100 management charts, Tokyo, Asian Productivity Organization, 1990, 327 p.

Petrov M.K. Iskusstvo i nauka. Piraty Egeyskogo morya i lichnost' [Art and science. Pirates of the Aegean Sea and Personality], Moscow, ROSSPEN, 1995, 140 p. (in Russ.).

Rusakova O.F., Rusakov V.M. Dilemmy: “mobil'nost' – stabil'nost'” versus “razvitie – zastoy” [Dilemmas: “Mobility–Stability” Versus “Development–Stagnation”], Nauchnyy zhurnal “Diskurs-Pi”, 2016, no. 24–25, pp. 175–180. (in Russ.).

Sassen S. The Global City: Introducing a Concept, Brown Journal of World Affairs, 2005, vol. 11, iss. 2, pp. 27–43.

Scott J.C. Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii [The art of not being governed. An anarchist history of upland Southeast Asia], Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2017, 568 p. (in Russ.).

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities], Monitoring obshchestvennogo mneniya, 2012, no. 5 (111), pp. 197–252. (in Russ.).

Virno P. Grammatika mnozhestva: analiz form sovremennoy zhizni [Grammar of the set: an analysis of the forms of modern life], Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 144 p. (in Russ.).

Svetlana V. Obolkina,

Candidate of Philosophy,

Senior Lecturer of the Philosophy Department,

Researcher,

Institute of Philosophy and Law

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg,

E-mail: obol2007@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6644-104X

The Mobility We Deserve. The Ontological Turn of the Problem

Abstract

The paper analyzes the mobility paradigm and its role in the analysis of modern society. In this case, the concept of mobility is not so much a tool for analysis, as the subject of research. The connection of ideas about nonlinearity and mobility is considered. It is concluded that for modern reality the relationship between these categories is an inversely proportional relationship. Mobility of some elements of the system occurs due to an increase in the static nature of others. It makes investigate how truly possible it is to talk about the mobility of the modern world. The world, which we postulate as mobile, shows a tendency to increase the rigidity of the structures of management and control. The author relies on many modern studies on the global city, network society, soft power, digital reality, and concludes that mobility requires first of all a special person, and not a special society. One of the solutions to this problem is revealed through the concept of P. Virno, who is looking for opportunities to understand society as a “multitude”. Carrying out his analysis at the junction of philosophical research and reflection of the political struggle of the left-radical movements of Italy, the scientist proposes to realize the knowledge of society not “from above” – from society and its structures, but “from below”. This is essentially an anthropological, rather than a sociopolitical approach that claims to search for the foundations of a new subjectivity. The concept of society, the primary intention of which is the need to transform anxiety into fear and to find protection from it, Virno contrasts the concept of “homeless” multitude – *bios xenikos*. This intellectual motive brings the work of Virno to ontological research of K. Meyasu. Such a meaningful intersection of various concepts and even rather distant from each other areas of philosophy marks the “painful points” of society, and also encourages research into the phenomenon of mobility as new perspectives.

Keywords:

mobility, nonlinearity, philosophy of “multitude”, new subjectivity, *bios xenikos*.